

“НОВЫЕ ЛЮДИ” 1860-х ГОДОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КОНЦА XIX- НАЧАЛА XX ВЕКА

© 2010 М.А. Ицкович

Самарский государственный университет

Поступила в редакцию 23.11.2009

Статья посвящена восприятию русского нигилизма 1860-х годов в мемуарной и публицистической литературе конца XIX – начала XX века. Рассматриваются образы “новых людей”, сформированные представителями различных направлений общественной мысли в ходе развернувшейся дискуссии о роли и значении русской интеллигенции.

Ключевые слова: Россия XIX-XX веков, нигилизм, “новые люди”, интеллигенция, историческая память, мемуары, общественная мысль.

“Шесть лет тому назад этих людей не видели; три года тому назад презирали; теперь... но все равно, что думают о них теперь; через несколько лет, очень немного лет, к ним будут взывать: “спасите нас!”, и что будут они говорить, будет исполняться всеми; еще немного лет, быть может, и не лет, а месяцев, и станут их проклипать, и они будут согнаны со сцены, ошканные, страшимые”... Так писал Н.Г. Чернышевский в 1863 году о тех, кого он сам назвал “новыми людьми”, а его идейные противники – “нигилистами”. Автор “Что делать?” предсказал не только скорое исчезновение типа “новых людей”, но и его грядущее возрождение в иных формах, и прогноз этот оказался довольно-таки точным. Возникновение такого культурного феномена, как “нигилизм”, на первый взгляд количественно незначительного и маргинального, оказалось во многом поворотным в российской истории. Это следует хотя бы из того факта, что последующие поколения разночинной интеллигенции так или иначе соотносят себя с “шестидесятниками”¹. Споры же о том, кто такие “новые люди” и как к ним относиться, начались ещё в 1860-х годах и не прекращались на протяжении всей последующей истории царской России.

На рубеже XIX-XX веков появилась возможность смотреть на эту тему с определённой исторической дистанции. Появляется множество мемуарной литературы об эпохе “шестидесятых годов”, в которой так или иначе затрагивалась тема “новых людей”. Имевшийся в обществе “спрос”, повышенный интерес к “родословной” разночинной интеллигенции рождал и “предложение”. Многие из тех, кто был активными участниками, наблюдателями или противниками нигилистического движе-

ния, в этот период подводили итоги своей жизни и деятельности, суммировали факты прошлого и выстраивали свои версии происшедшего. Спустя несколько десятилетий они по-новому расставляли акценты, зачастую производя самокритику своих прежних убеждений.

Огромный массив воспоминаний создан теми, кто в той или иной степени был причастен к “нигилистическому движению”. Большинство из них не претендовали на широкие обобщения относительно феномена нигилизма, поскольку при написании мемуаров они стремились рассказать о своей профессиональной, общественной или политической деятельности, о достижениях в ней, о своём жизненном пути как таковом. О движении “новых людей” они упоминали постольку, поскольку это соотносилось с задачами изложения. Лишь немногие мемуаристы сознательно ставили своей целью реконструкцию образа нигилистического движения. К ним относятся, например, Н.В. Шелгунов, П.А. Кропоткин, Е.Н. Водовозова и др.

Воспоминания “новых людей”, как правило, носят характер скрытой или явной полемики с тем негативным образом нигилистов, который целенаправленно создавался официальной печатью, пропагандой, художественной литературой (“антинигилистические романы”) начиная с 1860-х годов. Зачастую установка на противодействие укоренившимся заблуждениям, на “восстановление правды” сознательно фиксировалась авторами².

Создавая свой собственный образ нигилистической субкультуры³, мемуаристы делали акцент на её положительном нравственном содержании, вписывали явление молодёжного нигилизма 1860-х годов в исторический контекст. Практически у каждого из них, независимо от социального происхождения, присутствуют личные воспоминания о разнообразных проявлени-

Ицкович Михаил Александрович, аспирант кафедры Российской истории. E-mail: meshock@mail.ru

ях крепостничества и произвола во всех сферах жизни, о “добром старом времени, когда все общественные порядки и отношения цементировались шпицрутенами”⁴. Подчёркивается, что крепостное право, господствовавшее в России в течение нескольких веков, оказало сильнейшее влияние на быт, нравы, психологию всех слоёв общества, приучая одних к безнаказанности и праздности, а других – к бессловесному подчинению⁵. Юридическая отмена крепостного права в 1861 году не могла моментально изменить эту ситуацию. Только “сильное общественное движение”, по словам П.А. Кропоткина, “могло преобразовать привычки и обычаи повседневной жизни”⁶. Сами участники этого движения воспринимали нигилизм как явление, неизбежно сопутствовавшее той коренной ломке, которую переживала Россия в 1860-х годах. Е.Н. Водовозова писала о резкой грани между двумя эпохами: Россией дореформенной, где крепостнические воззрения отравляли “все стороны быта, все сферы деятельности, характер русского человека” – и Россией, пробуждённой к жизни “уничтожением крепостничества и другими реформами, а также распространением новых идей, когда началось общее обновление нашего общества и постепенное изменение его быта и мирозерцания”⁷. Нигилизм был знаменем и одновременно двигателем этого перехода от одной эпохи к другой.

Таким образом, “нигилизм” радикальной молодёжи 1860-х годов был оправдан, поскольку это было отрицание отжившего и аморального общественного уклада. Но главное заключалось всё-таки не в отрицании, а в утверждении. Некоторые мемуаристы в связи с этим особо подчёркивали неправомерность понятия “нигилизм”. Основными пунктами положительной программы “новых людей”, по описанию самих представителей этой группы, были:

- ◆ вера в возможность сознательного совершенствования общества и отдельного человека;
- ◆ вера в науку и просвещение как средства общественного прогресса;
- ◆ гражданственность, неприятие приспособленчества и обывательской морали;
- ◆ социальное равенство, утверждение нравственного значения труда;
- ◆ уважение к человеческому достоинству, гуманность в межчеловеческих отношениях.

Заслугу “новых людей” мемуаристы радикальных убеждений видят в том, что те не просто провозглашали эту программу в узком кругу, но сделали её практикой своей жизни и распространяли в обществе. В результате была завоёвана, пользуясь выражением Антонио Грамши, культурная гегемония. Нигилисты сами по себе оставались малочисленной группой, но

многие их идеи в значительной степени проникли в массовое сознание образованного общества и стали “само собой разумеющимися” для всякого культурного человека, а не только для тех, кто придерживался радикальных убеждений.

Особо наглядны были достижения в сфере семейных отношений. Родители начали уважать в детях их самостоятельность, заботиться об их всестороннем развитии. Женщина получила доступ к образованию и профессиональной деятельности. Общественным мнением было признано гражданское сожителство мужчины и женщины, изменилось в лучшую сторону и отношение к незаконнорожденным детям. Словом, “с шестидесятых годов семейные отношения испытали полную революцию”⁸.

Перечисление этих завоеваний повторяется зачастую дословно в мемуарах многих “новых людей” и их младших современников. Что касается отношения к отрицательным сторонам своего прошлого опыта, то здесь мемуаристы не были столь единодушны. Поскольку, как уже упоминалось, многие из них были нацелены на противодействие домыслам и клевете, распространявшимся в отношении нигилистов, они исходили из того, что главное – это рассказать о незаслуженно забытых достижениях “новых людей” и их сильных сторонах, а о недостатках и так уже было достаточно сказано в предшествующие десятилетия. Иными словами, нужно (по известному выражению Чернышевского) “перегнуть палку в противоположную сторону” для того, чтобы восстановить справедливость и объективность. Наиболее ярко эту установку выразил Н.В. Шелгунов: “Когда говорят о военных подвигах армий или народов, никто не вспоминает мелких случаев трусости, неспособности или неудач; им нет и места в итоге общей славы”. То же отношение применимо и к “движению шестидесятых годов”⁹.

В глазах мемуаристов из числа “новых людей” недостатки компенсировались тем внутренним содержанием, которое несла с собой новая культура. Так, Е.Н. Водовозова, вспоминая о своих впечатлениях от общения с радикальной молодёжью, отмечает, что “фамильярно-грубоватый тон” разговоров её шокировал, но она “тут же повторяла себе, что все это лишь внешняя сторона, что она у людей светских превосходно отшлифована, а между тем их разговоры не будят мысли, ничего не дают для умственного и нравственного развития”, в то время как разговоры в кружке казались Водовозовой “глубокими, значительными и важными”¹⁰. П.А. Кропоткин утверждал, что “грубоватые крайности” неизбежны “во всяком молодом движении”. Более того, в своих мему-

арах он показал, что “аффектация внешней грубоватости”, свойственная нигилистам, была программной установкой их поведения. “Отрицание приличий” и “внешней вежливости” в сфере общения оправдывалось протестом против “условной лжи” дворянского общества. “Резкость тона” была нарочитой, демонстративной и применялась в “воспитательных целях”¹¹.

Вместе с тем нельзя сказать, что “новые люди” в своих мемуарах не производили никакого переосмысления прошлого. Многим воспоминаниям присуща в той или иной степени рефлексия по поводу собственного опыта. Чаще всего самокритика касается такой черты радикальной субкультуры, как “умственный деспотизм” и “сектанство”. По словам А.М. Скабичевского, среди нигилистов, “как и во всякой секте, люди, принадлежащие к ней, одни лишь считались верными, избранниками, солью земли, всё же прочее человечество считалось сонмищем нечестивых пошляков и презренных филистёров”¹². Повседневная жизнь “мыслящего реалиста” регулировалась “аскетически суровыми и однобокими” неписаными правилами¹³. Молодые люди, не имевшие ни малейшей склонности к естествознанию, ходили на лекции и штудировали книги и брошюры по химии, зоологии или медицине; девушки устраивались на неинтересную и малооплачиваемую работу – и всё это делалось “по идейным соображениям”, а также из боязни подвергнуться осуждению товарищей. Е.Н. Водовозова приводит примеры того, как “новые люди” пытались буквально следовать рецептам Чернышевского по организации артелей или перевоспитанию проституток – подобные эксперименты чаще всего заканчивались неудачей. Как правило, подобное стремление подогнать живую жизнь под заранее установленные идейные схемы объяснялось мемуаристами “крепостнической закваской”, привычкой к господству и подчинению¹⁴.

Тему “подавления личности” в среде “новых людей” развивает в своих мемуарах Е.И. Жуковская (в девичестве Ценина), в 1860-е годы – участница известной Знаменской коммуны в Петербурге. Впоследствии она отошла от увлечений юности, представляя собой нередкий тип “разочаровавшегося нигилиста”. В мемуарах она описывает свои разногласия и споры с “типичными нигилистками” Александрой Маркеловой и Екатериной Макуловой, тоже состоявшими в коммуне. Разногласия сводились к тому, что Ценина не хотела отказываться “от своей индивидуальности”, от своих взглядов, привычек и вкусов; её оппоненты же были убеждены, что “от скверных барских привычек следует отучать людей, а не потакать им”, и обвиняли Ценину в аристократизме¹⁵.

Жуковская предлагает и своё объяснение этих разногласий как конфликта между дворянами и разночинцами в нигилистическом движении. “Аристократы”, к которым автор мемуаров относит и себя, – это наследники “людей сороковых годов”, либерально настроенных западников, они “любили некоторое щегольство и комфорт”, чуждались революционных настроений. Для этой группы значение нигилизма исчерпывалось “раскрепощением личности” в личной и семейной сфере. Противостоявшие им “бурые непримиримые нигилисты” – это люди низкого социального происхождения, культивирующие бедность и вульгарные манеры, нетерпимые к любым отклонениям от принятых ими правил и норм, приверженные идеям утопического социализма и радикализма. Они стали родоначальниками “агитаторов новейшей формации”, то есть народников и народолюбцев¹⁶.

Хотя формально Жуковская была причастна к движению “новых людей”, на деле мы видим, что “типичные нигилисты” вызывали у неё отторжение, а её взгляд на них имеет много общего с мемуаристами-либералами. Их воспоминания представляют собой особую ценность, поскольку более консервативно настроенная часть русского общества с нигилистами напрямую не общалась за редкими исключениями. Либералы же, пересекаясь с радикалами 1860-х годов в различных культурно-просветительских начинаниях, имели возможность смотреть на “новых людей” вблизи, но – со стороны. Некоторые идеалы тех и других были общими, тем рельефнее в либеральных мемуарах отмечались те стороны новой субкультуры, которые были для более “умеренных” интеллигентов неприемлемы.

Характерный пример – воспоминания Е.И. Козлининой, “шестидесятницы”, исполнявшей секретарские обязанности в суде, активной сторонницы “благодетельных реформ” Александра II. Поддерживая “гуманистические идеи”, Козлинина тем не менее резко критикует тех, кто “подменял эмансипацию пошлостью”, а таких людей, по её словам, в прогрессивном лагере было большинство. Так же, как и Жуковская, она противопоставляет “идеалистам” прежнего времени студентов-разночинцев, пришедших в университет “из людских, мелких мастерских, из бурсы, мелкой чиновничьей среды, даже из шинков”. По её описанию, главнейшим стимулом их побуждений была зависть и ненависть ко всему, “что было выше и лучше них”. Не имея возможности нормально учиться из-за бедности, представители этого “умственного пролетариата” чувствовали себя неполноценными, “начинали ненавидеть всё общество, казавшееся им повинным во всех их бедах и неудачах”, и становились

на путь революционной деятельности, подобно членам кружка “ишутинцев”, с которыми Козлинина была лично знакома¹⁷. Таким образом, приверженность к крайностям и экстремизму в идеях и действиях оказывалась следствием низкого социального положения и материальной небеспеченности. В общем-то о том же, только со знаком “плюс”, а не “минус”, говорили и сами радикалы. Козлинина, как мы видим, воспроизводит типично дворянский взгляд на разночинцев как на выскочек и карьеристов, которые стремятся путём радикального всеотрицания скомпенсировать собственные недостатки.

Другой либеральный мемуарист, П.Д. Боборыкин, относится к нигилистам гораздо более лояльно в связи с тем, что его собственные убеждения с течением времени претерпевали эволюцию “влево”. Однако он отмечает практически те же самые пункты расхождений между “новыми людьми” и общей массой прогрессивно настроенной интеллигенции, что и другие мемуаристы его круга. Боборыкин подчёркивает, что сочувствовал общему направлению и основным идеям радикальной журналистики 1850-1860-х годов и “для того времени имел право считать себя вполне свободомыслящим”. Однако в нём не было “нигилистической закваски”, то есть “тона, вкусов, замашек, костюма, игры в разные опыты нового общежития”. Его шокировали стриженные волосы, резкость манер и жаргона “передовых женщин”, “бесцеремонный” стиль речи и поведения Чернышевского, хотя сам он симпатизировал его идеям и одобрял тягу женщин к высшему образованию¹⁸.

Ещё одна черта, которая отделяла Боборыкина от “новых людей”, – то, что он “не метил в революционеры” и не увлекался социальными вопросами. Отсюда вовсе не следует, что все нигилисты непременно “предавались подпольной пропаганде”. То, что их отделяло от “прогрессистов” – “страстная потребность вырабатывать себе свою мораль, жить по своим новым нравственным и общественным правилам и запросам”¹⁹. А это подразумевало и определённый “кодекс поведения”, и стиль одежды, и устройство коммун – всё то, что не устраивало Боборыкина.

Изучение воспоминаний либералов помогает понять, что водораздел между ними и “новыми людьми” пролегал не столько в сфере мировоззрения – либералы вполне могли разделять ценности уважения к труду и науке, быть атеистами и сочувствовать демократизации общества – сколько в сфере социокультурной. Для либералов, в основном представителей образованного дворянства, были неприемлемы жизненная практика и нравственные качества, которые, с их точки зрения, несли с собой разночинцы: “зависть”, “невос-

питанность”, “недостаточная образованность”, “грубый материализм”. А уже затем социокультурные различия переводились на язык идеологии и политики, в результате чего “новые люди” отождествлялись с социалистами и радикалами.

Сравнивая самописание “новых людей” в мемуарах и их описание со стороны либерально настроенной интеллигенции, можно увидеть, что образ нигилистов, создаваемый теми и другими, различался в зависимости от тех задач, которые ставили себе мемуаристы. “Новые люди” стояли перед необходимостью самооправдания. Поэтому они делали акцент именно на тех моментах, которые к концу XIX – началу XX века уже были усвоены и приняты всем “образованным обществом”, – женская эмансипация, гуманные отношения в семье, общедемократические идеалы. Создавая положительный образ нигилизма, авторы стремились показать, что все эти общепризнанные достижения эпохи 1860-х годов были привнесены в русскую жизнь именно “мыслящими реалистами”. Радикалы подчёркивали в наследии нигилизма то, что его объединяло с “шестидесятничеством” в широком смысле, с реформаторской эпохой. Напротив, либералы обращали внимание на те пункты, в которых “новые люди” расходились с широким прогрессивным течением, подчёркивали их крайности – дурные манеры, отрицание искусства, политический экстремизм. Некоторые из них, более критичные по отношению к “левым”, утверждали, что именно эти крайности дискредитировали освободительное движение в целом и породили впоследствии реакцию со стороны правительства. Отметим, что образ нигилизма, создававшийся либералами, отличался от консервативного, который к тому времени уже был сформирован официальной печатью и антинигилистическими романами. Для консерваторов нигилизм был порочен сам по себе и воспринимался как логическое продолжение “западных идей”, в том числе и либеральных; либералы же видели в нигилизме искажение, которое произошло в результате попадания правильных идей на неподготовленную (разночинскую) почву.

Наряду с мемуарной литературой публицистика была вторым важнейшим каналом формирования исторической памяти о нигилистах. Полемика о нигилистах в этот период вступила в качественно новую фазу, что было обусловлено целым рядом причин. В 1860-1880-х поколения “новых людей” и их наследников, как уже говорилось, осуществляло культурную гегемонию. Радикально-демократическая субкультура была ведущей силой, на которую ориентировалось большинство интеллигенции. С середины 1880-х ситуация изменилась. Здесь сыграли роль многие факторы: и

политическое поражение народолюбцев в борьбе с самодержавием, и растущее разочарование в народнической идеологии, и экономическое расслоение среди разночинной интеллигенции, значительная часть которой встраивалась в структуру капиталистического общества и теряла былой радикализм. В связи с этим всё более острой в интеллектуальных кругах становилась дискуссия о “наследстве 1860-х годов”.

Термин “наследство”, впервые употреблённый В.В. Розановым, показывает, что идеи и деятельность “шестидесятников” были для людей рубежа веков не просто предметом исторического интереса, они подвергались осмыслению именно под углом “сегодняшнего дня” и его потребностей. Розанов в двух своих программных статьях прямо поставил вопрос об отказе от этого наследия. Он выступал от имени “детей”, младшего поколения интеллигенции, того, которое воспитывалось и получало образование в 1870-1880-е годы²⁰. Конфликт “отцов и детей” вновь повторился, только в роли низвергаемых “отцов” выступали сами нигилисты.

“Антинигилизм” в русской публицистике к концу XIX века не представлял собой чего-то неожиданного. За предшествующий период появилось немало сочинений, в которых “учение нигилизма” и его носители подвергались самой суровой критике – журнальные статьи М.Н. Каткова, брошюры П.П. Цитовича и др. Однако новая волна критики, поднявшаяся в 1880-1890-е годы и связанная с формированием русской религиозной философии, была качественно иной по уровню и содержанию. Официозная пресса 1860-1880-х годов клеймила нигилистов в первую очередь как “внутренних врагов”, политических преступников и нарушителей традиционных моральных устоев, осуждала их поведение как отклоняющееся. Для представителей религиозной философии было важно понять, чем было вызвано такое поведение. Объяснения, предложенные консерваторами – например, нигилизм как пережиток “барской вседозволенности” времён крепостного права²¹ – выглядели явно неудовлетворительными. Теперь на первый план выходит философская проблематика. Вместо осуждения самих “новых людей” подвергаются критическому анализу те идеи и принципы, которыми они руководствовались. Акцент смещается с обсуждения реальных “новых людей” на критический анализ их мировоззрения, а точнее, взглядов ведущих радикальных идеологов 1860-х годов.

В.В. Розановым было сформулировано две главные претензии “восьмидесятников” к “шестидесятникам”. Первая из них – это утилитаризм, проявлявшийся во всех сферах жизни: науку нигилисты подменяли политической пропа-

гандой, а ради гуманной цели считали возможным использовать любые средства. Это и привело их к историческому поражению, поскольку значение каждого поколения определяется его отношением к “вечным” идеалам и ценностям – истине, добру, красоте. Второе обвинение – в “приземлённости”, вульгарно-материалистическом взгляде на мир. С точки зрения Розанова, “шестидесятникам” была присуща “скудость и бедность мысли”, ограниченное понимание человека и его потребностей, они считали человека “простым продолжением физической природы”, игнорировали сферу иррационального, сверхъестественного. В результате для них остался “непонятным и закрытым” мир поэзии, религии и нравственности²².

Эти два основных пункта критики, намеченные Розановым, получили дальнейшее развитие в известном сборнике “Вехи”. Хотя предметом анализа “веховцев” является современная им интеллигенция, они постоянно обращаются к её “родословной”, в которой “шестидесятники” занимают одно из главных мест, поэтому к ним вполне могут быть применены оценки, даваемые “веховцами”. Применительно к теме “новых людей” наибольший интерес представляют две статьи из сборника: С.Н. Булгакова и С.Л. Франка. С.Н. Булгаков отмечает, что интеллигенция “религиозна по своей природе”. Проявление религиозного духа он видит в мечте о “грядущем царстве правды”, в непримиримости к мещанству, в нравственной бескомпромиссности и строгих нравах. Эти лучшие черты, присущие интеллигенции и, в частности, таким её вождям, как Чернышевский и Добролюбов, объясняются именно “навыками, воспитанными Церковью”. Отрицательные же стороны интеллигенции обусловлены тем, что она механически переняла с Запада просветительскую, атеистическую по сути своей идеологию. Причём в этом “виноваты” уже не столько “шестидесятники”, сколько их предшественники-западники. Атеизм же является у интеллигентов не результатом сложной умственной работы, а той же самой “наивной религиозной верой”, вывернутой наизнанку. Этот атеизм Булгаков называет “религией человекобожества”, которая подразумевает веру в “естественное совершенство человека, в бесконечный прогресс, осуществляемый силами человека”, и механическое понимание этого прогресса как устранения “внешнего”, общественного неустройства жизни. Практическим следствием такого мировоззрения является максимализм средств и целей, так ярко проявившийся, по мнению Булгакова, в революции 1905 года²³.

С.Л. Франк в своей статье анализирует “нравственное мировоззрение русской интеллигенции” (фактически – теорию “разумного эго-

изма” Чернышевского). Он характеризует этот “символ веры” как “нигилистический морализм”, в котором отрицание абсолютных ценностей – истины, красоты, божества – совмещается с утверждением безусловного приоритета ценностей этических, понимаемых в утилитарном ключе – “наибольшее счастье для наибольшего числа людей”. Нигилисту свойственна враждебность к культуре как таковой, ведь служение “чистому искусству” или “чистой науке” отвлекает от “служения народу” и поэтому недопустимо. Франк неоднократно отмечает противоречие между “философским нигилизмом” и альтруизмом, но не объясняет этого противоречия, а, напротив, считает одно вытекающим из другого и определяет интеллигента как “воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия”. Так же, как и Булгаков, затрагивая вопрос о религиозной природе интеллигентского мировоззрения, Франк, в отличие от своего соавтора, считает, что оно религиозно по типу, по внешним признакам – в том смысле, что обладает чертами догматизма, слепой веры и нетерпимости – но не по сути. Подлинная религиозность, по его мнению, выражается в признании “сверхчеловеческого значения высших ценностей”, что в сознании интеллигенции как раз отсутствовало²⁴.

Несмотря на все различия во взглядах между отдельными авторами, в “Вехах” был создан целостный образ интеллигенции как секты фанатиков, находящихся в отчуждении от государства и национальных традиций, исповедующих примитивную философию и враждебных к “высшей культуре”. Нетрудно заметить, что этот образ заставлял вспомнить о прежнем официозном “антинигилизме”, и не случайно “Вехи” получили поддержку и одобрение в консервативной печати и среди представителей духовенства. Можно сказать, что в трудах представителей русской религиозно-философской мысли негативный образ “новых людей”, созданный в 1860-1880-х годах, получил солидное философское и идеологическое обоснование. При этом сами авторы “Вех” придерживались умеренно-либеральных убеждений (некоторые прежде даже склонялись к марксизму), неограниченное самодержавие для них было неприемлемо, однако в оценке нигилистов и их наследников они сходились с Катковым и Победоносцевым.

На примере полемики вокруг “родословной интеллигенции”, развернувшейся на рубеже XIX-XX веков, можно наблюдать сложный процесс размежевания и сближения различных направлений русской общественной мысли. “Трещина” прошла по либеральному лагерю. Если “веховцы” были в большинстве своём правыми кадетами, то левые либералы, такие как П.Н.

Милуков, подвергли критике своих однопартийцев. В то же время всё менее жёсткой становится грань между левым либерализмом и народничеством. В оценке “новых людей” 1860-х годов эволюция и взаимопроникновение этих двух течений проявились достаточно отчётливо, что можно проследить на примере сочинений Д.Н. Овсяннико-Куликовского и Р.В. Иванова-Разумника. Эти авторы, в отличие от “веховцев”, являются сторонниками освободительного движения. Интеллигенцию они понимают как внеклассовую социальную группу и в своём анализе опираются преимущественно на философско-социологическую теорию Н.К. Михайловского. В частности, для объяснения происхождения “новых людей” 1860-х годов используются термины “кающиеся дворяне” и “разночинцы” в той интерпретации, которая впервые была предложена Михайловским²⁵.

Д.Н. Овсяннико-Куликовский в своей “Истории русской интеллигенции” проводит резкую грань между двумя её поколениями: “шестидесятниками” и “семидесятниками”. “Шестидесятникам” свойственна излишняя рассудочность, непоколебимая вера в силу “трезвой мысли”, в 1870-х годах “тип передового, мыслящего человека” меняется. Упрощённо-рационалистические воззрения уступают место “психологической религиозности” народников. Возник спрос на “большую глубину и разносторонность мысли”, вместо одностороннего увлечения естественными науками появился интерес к вопросам социально-экономическим и историческим. Если “люди 1860-х годов” утверждали право интеллигентной личности на независимость и самоопределение, то для большинства интеллигенции последующего десятилетия характерны идеализация “народа” и “мужика”, утопические настроения²⁶.

Подобно Овсяннико-Куликовскому, Иванов-Разумник делил “шестидесятников” на две большие группы: “демократов-социалистов” во главе с Чернышевским и “демократов-индивидуалистов” во главе с Писаревым. Термин “нигилисты”, с точки зрения Иванова-Разумника, приложим только к последователям Писарева, доведшим до крайности принципы своего учителя. Именно им было свойственно “отрицание всех ценностей – и объективных, и субъективных”. Нигилизм к концу 1860-х годов пришёл к своему саморазрушению и был вытеснен доктриной “критического народничества” П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, в рамках которой произошёл синтез воззрений разночинцев и “кающихся дворян”. Историческое поражение “шестидесятников” было обусловлено фундаментальным противоречием их мировоззрения – противоречием между безусловным индивиду-

ализмом и стремлением “подчинить самоценность человека принципу пользы”. Иными словами, для “новых людей” было характерно слишком узкое понимание человека, что ярче всего проявилось в их эстетических взглядах, в “отрицании искусства” и требовании подчинить его задачам социального просвещения²⁷.

Оба автора по своим философским убеждениям были идеалистами. Это проявилось в том, что, давая в целом положительную оценку “шестидесятникам” как общественным деятелям демократического толка, и Иванов-Разумник, и Овсяннико-Куликовский предъявляли претензии к их мировоззрению, во многом аналогичные “веховским” – в “догматическом материализме”, “упрощённом” и “плоском” отношении к культуре. При том, что Овсяннико-Куликовский и Иванов-Разумник несколько по-разному расставляли акценты в своём отношении к “шестидесятникам” и “семидесятникам”, они были едины в осуждении прямолинейного утилитаризма, свойственного и тем, и другим. Но, в отличие от “веховцев”, они полагали, что такое мировоззрение возникло не по “произволу” интеллигенции, а как результат сложившихся условий русской жизни, в которых “высшая культура” носила сугубо элитарный характер, а труд интеллигенции не имел достаточного спроса²⁸.

Интересно отметить, что в своей критике “шестидесятников” Иванов-Разумник, будучи убеждённым последователем “критического народничества”, проводит аналогию между “новыми людьми” 1860-х годов и ортодоксальными марксистами 1890-х годов. И те и другие, с его точки зрения, отрицали нравственные критерии оценки человеческих поступков, признавая только понятия целесообразности и полезности²⁹. Эта аналогия, только уже со знаком “плюс”, а не “минус”, использовалась и в трудах самих марксистов. Марксистское направление русской общественной мысли, активно заявившее о себе в 1890-х годах, внесло свою лепту в полемику об интеллигенции вообще и о “шестидесятниках” в частности. Также идя вслед за Михайловским, авторы этого направления – Г.В. Плеханов, В.И. Ульянов (Ленин), А.Н. Потресов, В.В. Воровский, В.М. Фриче – связывали феномен “новых людей” с социальными переменами в России середины XIX века, с “пришествием разночинцев”. Черты, свойственные разночинной интеллигенции они, считали закономерным следствием занимаемого ею специфического социального положения. “Шестидесятники” были рационалистами, потому что именно благодаря знанию они “выбились в люди”; “отщепенцами” – поскольку были враждебны к “основам современного общества”, к “миру слуг и господ”, демократами – в

силу своего социального происхождения³⁰.

В понимании марксистов “новые люди” представляли собой закономерное явление для начального периода перехода от феодализма к капитализму. Дальнейшую эволюцию этого явления они объясняли также с помощью социологического подхода. К концу XIX века сословные границы и предрассудки уходят в прошлое, и разночинец перестаёт быть маргиналом, вследствие возросшего спроса на интеллигентный труд он начинает занимать “почётное положение в обществе”, и интеллигенция всё сильнее дифференцируется на “пролетариат” и “буржуазию”³¹. Народники, с марксистской точки зрения, сохранили только форму прежнего разночинского демократизма, утратив его революционное содержание и ассимилировавшись с либералами; истинными же наследниками разночинцев-шестидесятников являются именно русские марксисты, которые “очищают” демократические традиции от пагубного влияния народничества³².

Несомненно, текущая идеологическая и политическая борьба оказывала сильное влияние на ход дискуссии о “новых людях”, и нетрудно заметить, что в восприятии публицистов разных взглядов “дела давно минувших дней” служили аргументом в спорах о сравнительной роли крестьянства, интеллигенции и рабочего класса в общественной жизни, о сущности и результатах революции 1905 года и т.д. В этой полемике постепенно выкристаллизовались три основные тенденции в истолковании “нигилизма”, сформированные общественной мыслью России рубежа XIX-XX веков. Согласно первой версии, консервативно-либеральной, “новые люди” представляли носителями разрушительных “западных” идей, которые внесли значительную лепту в культурный раскол русского общества, толкнули интеллигенцию на ложный путь. Леволиберальное направление трактовало “нигилизм” как печальную, но объяснимую крайность в истории русской интеллигенции, связанную с излишне прямолинейным подходом к сложным этическим и эстетическим явлениям. И, наконец, марксисты видели в субкультуре “шестидесятников” проявление социального протеста разночинцев, по своей направленности – “просветительское”, по своему значению – закономерное и прогрессивное. Именно этот последний образ “новых людей” 1860-х годов впоследствии стал доминирующим в советской культуре.

Исследование подготовлено в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Живов В.М. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции // Новое литературное обозрение. М., 1999. №37. С.51.
- ² Шелгунов Н.В. и др. Воспоминания. В 2 т. Т.1. М., 1967. С.191; Маркелова А.Г. Из воспоминаний // Литературное наследство. Т.71. М., 1963. С. 444.
- ³ Понятие субкультуры применительно к нигилизму 1860-х годов было разработано в трудах: Brower D. Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. Ithaca-London, 1975. 248 p.; Confin M. Révolte juvénile et contre-culture. Les nihilistes russes des “années 60” // Cahiers du monde russe et soviétique. Paris, 1990. Vol. 31(4). P.489-538.
- ⁴ Шелгунов Н.В. Указ. соч. С.135.
- ⁵ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С.58-65; Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М., 2001. С.40-41; Водовозова Е.Н. На заре жизни. В 2 т. Т.1. М., 1987. С.180-184, 288; Фигнер В.Н. Запечатленный труд. В 2 т. Т.1. М., 1964. С.57-59, 71-73.
- ⁶ Кропоткин П.А. Указ. соч. С.265.
- ⁷ Водовозова Е.Н. Указ. соч. Т.2. С.205.
- ⁸ Клеменц Д.А. Из прошлого. Л., 1925. С.95-97; Шелгунов Н.В. Указ. соч. С.136-142; Водовозова Е.Н. Указ. соч. Т.2. С.77-79, 173-174.
- ⁹ Шелгунов Н.В. Указ. соч. С.138.
- ¹⁰ Водовозова Е.Н. Указ. соч. Т.2. С.75-76.
- ¹¹ Кропоткин П.А. Указ. соч. С.269-270.
- ¹² Скабичевский А.М. Указ. соч. С.291.
- ¹³ Водовозова Е.Н. Указ. соч. Т.2. С.436.
- ¹⁴ Водовозова Е.Н. Указ. соч. С.48, 81, 436; Шелгунов Н.В. Указ. соч. С.277.
- ¹⁵ Жуковская Е.И. Записки. М., 2001. С.132, 231, 240.
- ¹⁶ Жуковская Е.И. Указ. соч. С.257.
- ¹⁷ Козлинина Е.И. За полвека. Пятьдесят лет в стенах суда. М., 1913. С.45-47.
- ¹⁸ Боборыкин П.Д. Воспоминания в 2 т. Т.1. М., 1965. С.273-276.
- ¹⁹ Боборыкин П.Д. Указ.соч. С.314.
- ²⁰ Розанов В.В. Почему мы отказываемся от “наследства 60-70-х годов”? // Розанов В.В. Сочинения. М., 1990. С.120.
- ²¹ Цитович П.П. Что делали в романе “Что делать?”. Одесса, 1879. С. 21.
- ²² Розанов В.В. Почему мы отказываемся от “наследства 60-70-х годов”? // Розанов В.В. Сочинения. М., 1990. С.120-131; Он же. В чём главный недостаток “наследства 60-70-х годов”? // Там же. С.131-144.
- ²³ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С.26-69.
- ²⁴ Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С.166-199.
- ²⁵ Михайловский Н.К. Литературная критика и воспоминания. М., 1995. С.96-97.
- ²⁶ Овсянко-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции. В 2 ч. Ч.2. М., 1906. С. 126-129, 260-269.
- ²⁷ Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. В 3 т. Т.2. М., 1997. С.82-86, 179-189.
- ²⁸ Овсянко-Куликовский Д.Н. Указ. соч. С.126.
- ²⁹ Иванов-Разумник Р.В. Указ. соч. Т.3. С.105.
- ³⁰ Воровский В.В. Базаров и Санин. Два нигилизма // Воровский В.В. Статьи о русской литературе. М., 1986. С.224-251; Потресов А.Н. Этюды о русской интеллигенции. СПб., 1906. С.161-164.
- ³¹ Фриче В.М. От Чернышевского к “Вехам”. М., 1910. С.13-14; Воровский В.В. Указ. соч. С.208.
- ³² Потресов А.Н. Указ. соч. С. 101-108; Ленин В.И. От какого наследства мы отказываемся? // Ленин В.И. Избранные произведения. В 3 т. Т.1. М., 1976. С.79.

“NEW PEOPLE” OF 1860s IN THE HISTORICAL MEMORY AT THE TURN OF THE XIX – XX CENTURIES

© 2010 M.A. Itskovich

Samara State University

The article deals with the perception of Russian nihilism in the memoirs and socio-political journalism at the turn of the XIX – XX centuries. The author describes how the representatives of different trends of social thought created their own images of the “new people” during the discussion on the role and significance of the Russian intelligentsia.

Key words: nineteenth- and twentieth-century Russia; nihilism; “new people”; intelligentsia; historical memory; memoirs; social thought.